АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Е. А. Крейнович

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ У НИВХОВ В 1927—1928 гг.[1]

Коллективный лов рыбы — пережиток неолитической традиции

Охотское побережье острова Сахалин. Селение Чайво. *1 декабря 1927 г.*

Поверхность залива уже несколько дней как замерзла, но снег еще не выпал. Лед залива прозрачен, как стекло. От мороза, что ли, поверхность его усеялась как бы звездами — точками с отходящими от них тонкими трещинками. Кажется, будто звезды окунулись в залив, но не успели выбраться из него и вмерзли в лед, преградивший им выход в небо. Лед залива удивительно красив. Выхожу на его звездную поверхность. Кажется, будто идешь по небу. У берега на мелких местах видны водоросли. Иногда подо льдом проносится рыба. Когда отдалюсь от берега, возникает ощущение пучины. Вот-вот, кажется, лед проломится и погрузишься в бездну. При появлении этого ощущения ухожу на сушу.

Нивхи готовятся к поездке на реку Оси, впадающую в Чайвинский залив. Предстоит лов рыбы, именуемый лэрд (≈лэрнт), что в переводе на русский означает 'играть', 'игра'.

В каждом жилище, мужчины которого собирались ехать на промысел, заранее готовили студень, называемый 'мос'. Для отъезжающих его наливают в небольшие чаши, деревянные и эмалированные, где он и застывает. Нивхи кладут их в нарты. Многие из них брали с собой по большой полосе дели от невода.

3 декабря. На рассвете нивхи выехали из селения и направились к северу. Выехало много нарт. Я ехал с Кельмом в одной нарте. Длинная ленточка из собачьих упряжек двигалась по направлению к острову Агиво. Из небольшой деревушки того

[1] Автор длительное время исследовал культуру и быт нивхов, собрав большой материал. Дневниковые записи, приводимые здесь (как и многие другие оставшиеся в рукописи), предназначались для его монографии «Нивхгу», изданной Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1978 г., из-за ограничения объема книги они не вошли в нее.— Ред.

же названия к нам присоединилось несколько нарт с нивхами. Оттуда снова поехали на север. Ледяная поверхность залива казалась серой. Над нами было такое же серое, холодное, зимнее небо. Вокруг — ни души.

Через несколько часов приехали к месту лова — устью реки Оси. На левом берегу, недалеко от него, стоял небольшой домик. В нем жил старик Тугут, прекрасный сказитель, вместе со своей женой, дочерью лет пяти и сыном двух лет. Нивхи переехали поближе к его жилью на левый берег. Нарты с собаками привязали тут же среди деревьев.

Из нарт прежде всего извлекли полосы неводной дели и расстелили их по льду реки. Затем изготовили из дерева «иглы» и занялись сшиванием полос в один невод. Этим занимались старики. Молодые же взяли топоры и отправились в лес. Они ушли рубить песты (увск). Пест длиной примерно 150 см изготовляли из тонкого ствола дерева. В верху песта делали «ручку» — утоньшение, чтобы его удобнее было охватить рукой. Кроме того, заготовили еще две «терки» (мамар), вырубив каждую из ствола дерева вместе с основанием сука. К сукам накрепко привязали по длинному шесту. Назначение «терок» стало ясным лишь в конце рыбной ловли.

К возвращению молодых нивхов из лесу старики закончили шитье невода и посадили его на две длинные веревки. Они свернули его и положили на нарту.

Когда подготовка орудия лова была закончена, наступил момент для совершения религиозного обряда, который, по-видимому, должен был обеспечить удачность промысла. Нивхи взяли с нарт свои чашки со студнем и направились к устью реки. Там они остановились. Один из них продолбил пешней во льду лунку и очистил ее ото льда. Затем нивхи стали вырезать ножами куски студня из своих чашек и кидать их в лунку. При этом они впервые позволили себе шутить, и смысл их шуток сводился к одному: «Вот мы, мол, тебя кормим, так ты уж, пожалуйста, рыбу нам дай». В это время старик Моклей сказал мне: «Настука, ты тоже дай ему что-нибудь»[2]. Он глубоко верил в существование духа реки и потому просил меня об этом. Я вынул из своей заплечной сумки пшеничный сухарь и положил его в лунку. Если бы я этого не сделал, то оскорбил бы Моклея и нивхов, относившихся ко мне как к своему человеку. Пешней и руками они заталкивали свои угощения под лед, чтобы их унесло течением.

Когда кормление духа-хозяина реки было закончено, нивхи вышли на берег и направились в лес, подальше от воды. Там, возле одного кедрового стланика, они вырыли в земле ямку, и каждый молча положил в нее по куску студня. Затем ямку зарыли песком. Так было произведено кормление духа земли:

[2] В разговорах между собой нивхи называли меня настун-т' ан'ги — 'начальник сказок', 'сказочный начальник'. Лишь один старик Моклей ласково называл меня настук — 'сказочник'.

миф-арнт — 'кормление земли'. К участию в ней Моклей меня уже не привлекал.

Узнав, что на реке Оси, по представлениям нивхов, живет дух-хозяин речки, я спросил у них, есть ли такие же духи-хозяева и на других речках. Нивхи ответили утвердительно. На реке Их, называемой по-русски Вал, сказали они, живет 'ыз' — 'хозяин речки'. Весной он очищает реку ото льда. Идя ли, плавая ли под водой, он разбивает лед. Некоторые его даже видели. Говорят, что он похож на нерпу.

Так нивхи на каждом шагу погружали меня в мир своих анимистических представлений, который был миром их душ. Все, что совершалось на реке Оси, производилось тихо, молча, словно какое-то таинство.

Угостив духов-хозяев местности, примирив их с собой и испросив у них таким образом позволение на право промысла на их территории, нивхи отправились на лед. Там поперек реки, на равных расстояниях друг от друга, они продолбили пять лунок: две — возле берегов и три — посередине реки. Лунка возле берега, на котором остановились нивхи, была сделана шире других. Потом нивхи отошли на несколько шагов вверх по течению реки и на самой ее середине, на некотором расстоянии друг от друга, выдолбили две лунки и выше их — еще две такие же лунки. Затем они отошли вниз по течению реки и ниже продолбленных пяти лунок выдолбили еще две небольшие лунки. Они располагались уже не посередине реки, а ближе к берегу, к первой большой лунке.

После этого стали протаскивать невод под лед реки. При помощи длинной жерди от лунки к лунке проталкивали под лед концы веревок, на которые был посажен невод. Около каждой лунки становился нивх и удерживал веревки невода, чтобы его не относило течением. Когда веревки были протянуты сквозь последнюю лунку, находившуюся на противоположном берегу, нивхи протянули подо льдом весь невод поперек всей реки, точно вдоль пяти лунок. Теперь нужно было расправить невод подо льдом. Для этого в каждую из пяти лунок под верхнюю веревку невода подсунули по две палки, которые расположили на каждой лунке крестом. Таким образом верхняя веревка невода была удержана у льда. К нижней же веревке невода крепко привязали концы длинных жердей, по одной жерди на лунку. Затем жерди были опущены в реку и воткнуты в неглубокое дно реки. Тогда течением воды невод отнесло вниз, и он расправился подо льдом в виде мешка. Когда это произошло, сквозь две лунки, находившиеся внизу по течению, невод подтащили вверх. Потом сквозь его ячейки просунули по тонкой веточке, которые удерживали невод у льда. Так был расправлен невод.

Нивхи строжайшим образом соблюдали здесь свои табу. Так как жены Тана и Пнаргуна были беременны, то им не разрешалось спускаться к реке. Они в течение всего лова находились на берегу и занимались хозяйственными делами: поддер-

живали огонь костров, которые они разложили, и кипятили воду для чая. Если бы нивх поранил палец и из него потекла бы кровь, то и ему было бы запрещено выходить на реку и прикасаться к неводу. Если бы он замазал невод кровью, то это, по представлениям нивхов, явилось бы грехом.

Возле невода, протянутого сквозь лунки, остались одни старики. Более молодые нивхи взяли по песту и по берегу направились вверх по реке. Так как песты были тяжелы для меня, то я, ничего худого не думая, сказал, что возьму топор и буду колотить об лед обухом. Нивхи закричали: Уjахра! ('Грех!'). Поняв, что нарушил бы этим их верования, я выбрал пест полегче и пошел вместе с нивхами вверх по берегу реки.

Шли молча. Молчал и я, чтобы ненароком не нарушить их обычаев. Шли примерно в течение часа. Дойдя, очевидно, до известного им места, нивхи остановились, молча вышли на лед, повернулись лицом к устью и цепочкой растянулись поперек реки. Я находился в их строю и ждал, что они станут делать. Они сделали один шаг вперед и, подняв песты, одновременно ударили ими об лед. При этом они издали крик такой силы, что от неожиданности я вздрогнул. После этого они сделали еще пять-шесть шагов вперед, снова ударили пестами об лед и снова закричали. Некоторые из них кричали: кла-вур п'рыгуjа, 'ил дна' — 'заставь подняться'. Я во всем подражал им, дабы не нарушить правил лова. Оказывается, я не должен был глядеть назад и озираться по сторонам. Надо было смотреть только вперед, через определенное число шагов поднять песты, ударять ими об лед и кричать. Одновременные удары 15—16 пестов об лед реки звучали, словно выстрелы. Они, конечно, вместе с криками нивхов пугали рыбу, и та в страхе убегала от них вниз по течению реки, где ее ждал невод. Прорваться вверх по течению сквозь могучие удары пестов она ни за что не отважилась бы.

Так шли мы по льду первозданной, необжитой, кроме нивхов, неведомой реки, ударяли по ней пестами и кричали. Рыба, пугаемая непрерывными ударами и криками, естественно, мчалась вниз по течению, туда, где ее ждал невод. Никого и ничего живого вокруг нас не было. Только лес стоял по обе стороны реки, молчал и будто дивился беснованию пришельцев, издававших истошные вопли и стучавших по льду реки. Как заведенные механизмы, шли мы по льду реки, колотили о него и кричали.

Возмущение нивхов моей попыткой ударять по льду обухом топора, т. е. железом, свидетельствует, что рыбная ловля была изобретена еще тогда, когда предки нивхов не знали железа и по религиозной традиции они и теперь не допускали его присутствия в ловле. Это был коллективный лов рыбы, созданный еще в каменном веке, по крайней мере в неолите. Для его осуществления не требовалось железа — ни гарпунов, ни крючков. Единственный кусочек железа, который нивхи надевали на пешню, мог быть в каменном веке заменен костью или камнем.

Итак, сегодня мне посчастливилось опуститься куда-то в глубь неолита.

Когда мы приближались к старикам, сидевшим возле невода, у меня уже не было сил ни кричать, ни стучать об лед.

Вдруг двое нивхов бросили свои песты, подбежали к жердям с привязанными к ним «терками», быстро опустили их в две верхние лунки и стали взбаламучивать ими песок на дне реки, чтобы помешать перепуганной рыбе прорваться вверх. Затем они быстро вытащили жерди с «терками», мгновенно подбежали к двум лункам, находившимся ниже, и снова стали взбаламучивать дно реки. В это время тонкие веточки, которыми удерживался невод в двух нижних лунках, проломились. Это означало, что рыба скопилась в неводе и под ее тяжестью веточки сломались. Тогда все пять жердей, которыми нижняя веревка невода была прикреплена к дну реки, были подняты вверх до самых лунок. Все это произошло мгновенно. Таким образом, согнанная сверху рыба оказалась в мешке, протянутом поперек реки.

Примечательно, что старики, сидевшие у лунок, даже не пошевелились и тогда, когда нивхи, шедшие по течению реки, взбаламучивали дно реки и вытаскивали вверх жерди, которыми невод был прикреплен ко дну. Оказывается, им запрещалось даже смотреть вверх по течению реки, т. е. в ту сторону, откуда приближались с пестами нивхи. Они могли лишь смотреть либо вниз, на лед реки, либо в сторону берега. Нарушение этих установлений могло якобы неблагоприятно сказаться на лове рыбы.

Затем невод с рыбой надо было продвинуть по направлению к большой лунке, находившейся возле берега. Возле каждой лунки встали по два нивха. Один удерживал верхнюю веревку невода, а другой — нижнюю. Постепенно, от лунки к лунке передвигали они невод в направлении к берегу, к крайней просторной лунке. Когда противоположный край невода был вытащен из нее, рыба оказалась в мешке, образованном неводом, края которого находились на льду.

После этого рыбу стали вычерпывать на лед. Все это делалось бесшумно, молча. Глядя на обилие красноперки, форели и кумжи, которых вычерпывали, я сказал: «Рыбы много», но тут же услышал, как Мсклей и Кельм строго сказали мне: «Так не говори». Я понял, что опять нарушил что-то в обряде ловли. Оказывается, такие слова произносить нельзя. Услышав, что нивхи наловили много рыбы, дух-хозяин реки может рассердиться на нивхов, и тогда рыба может исчезнуть из невода. Мало того, я узнал, что во время лова рыбы способом лэрнт ее нельзя называть настоящими именами, а надо употреблять имена условные. Так, красноперку вместо маскco (‘маленькая рыба’) надо называть словом млыiавр — букв. ‘не имеющая нижнего плавника млы’, который у других рыб располагается под брюшком, у анального отверстия, вместо л‘оймыӈ (‘форель’) надо говорить шафтамлаӈ (‘многопятнистая’) и т. д.

Так нивхи старались скрыть от духа-хозяина реки свои действия и намерения. Они глубоко верили в то, что всё вокруг понимает их речь и неосторожное слово может нанести вред промыслу,— анимизм пронизывал всю процедуру лова.

Добытые красноперка и форель нанизывались сквозь жабры на прутья. Прут с нанизанной на нем рыбой называется кор. Коры делились между всеми участниками лова поровну. Крупные кумжи делили поштучно [3].

В жилище сказителя Тугута было очень дымно, и работать с ним оказалось невозможно. Кроме того, он был не в духе. В этом году в Чайво утонули четверо нивхов. Поэтому он никому не разрешал готовить пищу на своем очаге. Нивхи готовили себе еду на кострах, разведенных и поддерживаемых Танок и Пнаргуном. Вместе с ними на берегу пил чай и я. Нивхи ели строганину из красноперки и форели. Они сдирали со свежезамороженной рыбы кожу, раскалывали ее вдоль хребта и полученные боковинки рыбы строгали тоненькими пластинками, отправляя их в рот. Они предложили мне отведать строганины из красноперки и форели. Это было очень нежное и вкусное кушанье.

Кормить собак свежепойманной на реке Оси рыбой нельзя. «Рыба рассердится, и тогда ничего не поймаешь». Поэтому нивхи собирали рыбные объедки, чтобы скормить их собакам, когда закончится лов и они уедут с реки.

Во втором лове рыбы я не принимал участия. Когда невод был вытащен, он оказался совсем пустым. Нивх Кыйон с недоумением сказал: «Почему рыбы нет? Однако уγынт ('грех') сделали. Рыба серчает». Естественно предположение, что за таким выражением таится противоположное представление: когда «рыба не серчает», а относится к нивхам-рыболовам хорошо, с симпатией, то она идет в их невод. Ведь все в мире живо и обладает эмоциями людей.

Легенды о талисманах, приносящих удачу в охотничьих промыслах

Для охотника каменного века удача на охоте была самым большим счастьем. Она приносила ему и его близким пищу. Между тем действительность показывала, что один охотник всегда приходил с добычей, а другой — нет, несмотря на то что у них одинаковое оружие и одинаковые руки. Естественно, возникал вопрос, чем объяснить это обстоятельство. Вокруг размышлений об удаче и неудаче в охотничьих промыслах выросло множество фантастических легенд. В некоторых из них рассказывается о том, что медведица полюбила охотника и из любви к

[3] Нивхам, привезшим с собой полосы неводной дели, выделялись как будто бы чуть бóльшие доли. Однако в моих записях вопрос этот остался неуточненным.

нему посылала ему добычу. Возникло представление о том, что из чувства симпатии к охотнику животное сознательно идет на его орудия лова, чтобы побывать у него в «гостях», где ему преподнесут угощения, а череп обмажут вкусной кашей и украсят белоснежными стружками, воткнутыми в его носовые отверстия. Вместе с тем воображением древних охотников стали создаваться легенды о талисманах — предметах, обладание которыми приносило охотнику удачу в охотничьих промыслах.

Самыми древними представляются нам легенды о таинственно достающихся охотнику когтях животных, приносивших ему удачу в охоте на тех животных, чьи когти у него оказались. Из представлений всех народов, живущих и живших охотой, известно, что часто они отождествляют часть с целым, что если обладать частью животного или человека, то можно воздействовать на данное животное или данного человека. В истоке своем это рассуждение, лишенное логики, в действительности имеет логическую основу. Если обратиться к технике изготовления орудий в каменном веке, то нетрудно понять, что кусок кремня сохранял свойства всего кремня, от которого он был отколот, что кусок каменного скребла или каменного ножа сохранял свойства целого орудия. Однако, будучи перенесено из области каменной индустрии в область животного организма, это верное наблюдение породило заблуждение, ибо кусок организма не сохраняет свойств целого. Тем не менее подобное заблуждение прошло сквозь сотни тысячелетий, сохранившись в различных вариантах у тех современных народов, которые живут еще в условиях отсталого охотничьего быта.

Со времени знакомства людей с драгоценными металлами последние стали символом высшего счастья и богатства. Тогда же у нивхов возникли легенды о талисманах из драгоценных металлов, достающихся счастливцу загадочным образом и приносящих ему богатство и счастье.

Талисманы могут быть различными. Так, нивх Тавъюн из селения Коль в 1931 г. показал мне предмет, который он был готов считать своим талисманом. Это, по его представлению, был точильный камень, о который птица скопа (ч'фэнр) точит свои когти; ими она выхватывает из вод рек, озер, морей живую рыбу. В действительности же его талисман представлял собой великолепно вышлифованное овальное неолитическое грузило для сети или невода с отверстием в одном его конце. По словам Тавъюна, этот талисман утратил свою силу потому, что его увидели люди. Скрытая от людских глаз, находка могла бы стать талисманом, приносящим удачу. Когда и как выработалось у людей отрицательное с точки зрения этических норм представление, что нужно от других что-то затаить, чтобы быть счастливым, трудно сказать. Возможно, это очень древнее представление, связанное с попытками утаить от других еду, чтобы самому быть сытым. В 1927 г. большую помощь в этом отношении оказали сказитель Шызцыун и нивх Очи на Сахалине, а

на Амуре — сказитель Кайдык, которым приношу свою благодарность, хотя никого из них уже нет в живых.

Некоторые из сообщений о талисманах, приводимых ниже, я слышал от нивхов в разное время и в разных местах их обитания.

Талисман по-нивхски называется hиур (от hиунт — 'убить медведя', hиула-н'ивң — 'человек, удачливый в промыслах'). Первоначально это слово, вероятно, означало 'убиватель' (hиу- — основа, -р — суффикс со значением имени деятеля, орудия действия). Ниже мы приводим сообщения сказителя Шызңыуна, записанные на нивхском языке. Должен отметить, что, когда выяснялось что-либо новое из быта нивхов, я стремился зафиксировать это на нивхском языке, чтобы не допустить в изложении каких-либо искажений. Перевод сообщений Шызңыуна приближен к подлиннику. Перехожу к их изложению.

1. В древнее время, когда нивхи в лес ходили, соболиные когти находили. Если не их, то лисьи когти, беличьи когти, выдры когти, зайцев когти находили. Ну а если не их, то снявшиеся копыта кабарги лежащими, если видели, брали. Нивх, взяв это, инау — ритуальные стружки — строгал, заворачивал в них, в свое селение притаскивал. Возле священного помоста у медвежьего амбара хорошо прятал, чтобы дождь не замочил. Потом кормление духов гор делал. После этого нивх охотиться шел. Какие когти он находил, те звери, будто сами себя притаскивая (притаскиваясь), шли к нему. Он их убивал, ими богател. Если талисман сильный, то нивх девять лет зверей убивал. Если не столь сильный, то шесть лет зверя убивал. Если слабее талисман — то три года. После этого он как прежде убивал добычу, так и убивал (т. е. ничего лишнего ему уже не выпадало).

2. В давнее время, когда нивх по лесу ходил и медвежьи когти, бывало, увидит, то он в свое селение их приносил, ритуальные стружки (инау) строгал, в них заворачивал. Горным духам собаку в дар убивал. Потом по прошествии примерно одного месяца шел в то место, по которому ходил, кормление производил, чтобы с богом (к'ыс — 'удача', 'счастье', 'бог') примириться. После этого, когда в лес ходил, хоть близко пойдет, медведя увидев, убивал.

На следующий год медведь, для того чтобы свои когти забрать, будто бы сам себя притаскивал к нему, а он убивал. Так шесть полных лет, эти когти держа, их талисманом считая, множество медведей убивал. Когда шесть лет проходило, он инау делал, вместе с когтями выбрасывал. Если по прошествии шести лет держать эти когти, то медведь задирал человека.

Так сказывают.

3. В давние времена один нивх пошел в лес ставить петли на соболей. Сидя на бревне, переложенном через речку, он вверх по реке посмотрел. Сверху вниз по реке голый ребенок вброд спускался. По мелкому месту идя, «глубоко, глубоко» — так говорил. По глубокому месту идя, «мелко, мелко» — так го-

ворил. Так он вниз спускался. Когда он к нивху близко подошел, нивх, глубокое место выбрав, в нем пребывал (т. е. в него опустился).

Этот ребенок, хотя он был голым, нес на себе пояс. Так он спускался вниз. В глубокое место когда спустился, упал. Течение его понесло. Тогда нивх его пояс схватил, оторвал, посмотрел... [а] мальчика не стало. Только пояс один в руках его остался. На поясе сумочки висели. Одну сумочку когда открыл, в ней человеческие ногти были. Он эту сумочку бросил. Когда другую открыл, в ней звериные когти, соболиные когти лежали. Эту сумочку он взял.

Друг за другом сумочки открывал, смотрел: медвежьи когти лежат, беличьи когти лежат, лисьи когти лежат, выдры когти лежат — разные когти, все есть. Это взяв, понес, в медвежий амбар положил. Инау настрогав, в них завернул. Это талисманом считал. Очень богато жил.

4. Нивх в лес пошел. Горный человек (дух) навстречу ему шел. На его поясе много сумочек навешано было. Горный человек с нашим нивхом бороться хотел. Нивх отказался. Горный человек насильно с ним бороться стал. Наш нивх, его за пояс схватив, потянул, порвал. Нивх рассердился, не хотел бороться. Тогда горный человек его отпустил, свой пояс стал просить. Наш нивх рассердился, сказал, что это не его пояс. Тогда горный человек, бедствуя, без своего пояса ушел. На этом поясе (в сумочках) разные когти были. Этим нивх разбогател.

«Вы не думайте,— сказал мне Шызӈыун,— что горный человек его повалить не мог. Для горного человека нивха повалить — это грех. Он свой пояс принес только для того, чтобы отдать его нивху. Обманным путем заставил его бороться, чтобы он его пояс оторвал и взял».

5. Бывает так, что на медвежьей тропе дерево нависает. Медведь под этим деревом, просовываясь, проходит. Медвежья шерсть на это дерево налипала, становилась подобной кулаку. Нивх должен был эту шерсть взять, инау настрогать, завернуть ее в стружки, на помост у медвежьего амбара положить. После этого нивх три полных года медведей убивал. Во множестве убивал. Будто сами медведи перед ним появлялись. Когда три года проходило, этот талисман переставал быть талисманом (свою силу терял). Так нивхи сказывают.

6. Если пойти в то место, где находится множество змей, то они, свернувшись кольцами, друг на друге лежат. Тогда нивх должен раздеться, снять обувь, снять наколенники и, ступив в дыру, образованную свернувшимися змеями, стоять. Страшно становится. Тогда змеи о его голень трутся и все уходят. После этого он поднимает свою ногу и берет немного земли с того места, на котором стоял. Порвав свою рубашку, завертывает в нее землю. Инау настрогав, обертывает ими землю. Это талисманом считая, богатеет.

7. Если нивх увидит, как неожиданно треснуло небо, то он

должен мгновенно упасть и мгновенно схватить рукой то, что под нее попадется. Он должен успеть встать, пока небо не сомкнулось. То, что он своей рукой захватил, он должен принести, хоть в рубашку завернуть, хоть в инау завернуть, и положить. После того как он так сделает, собак (в дар) убивает. Четное количество убивает. Потом инау с колокольчиками делает. Духам кидает, духов кормит. Когда так сделает, разбогатеет.

8. Если с неба спускается колокольчик и нивх сорвет его и возьмет в качестве талисмана, то он разбогатеет. Но разве каждый знает, как его нужно оторвать? Если руками пытаться его оторвать, то руки прилипнут к колокольчику и колокольчик вместе с человеком в небо поднимется. Так нивхи пропадали. Если с неба колокольчик спустится и крепким деревом по нему ударить, то он не оторвется, но если гнилушкой по нему ударить, то тогда он оторвется. Поэтому нивх должен гнилым деревом по нему бить, взять его, в инау завернуть и на дно ящика положить. Его талисманом считая, разбогатеет.

9. Небесная цепь — самая тонкая — в ладонь шириной бывает. Широкая — в одну четверть шириной. В длину — в рост человека. Когда серебряную цепь увидишь, свою шубу или халат надо снять, постелить. Когда палкой по цепи ударишь, она рассыпается, в одежду падает. Серебро падает, одежду полностью заполняет. Тогда нивх это заворачивает, берет, этим богатеет.

10. Когда с неба спускается паук, то привязь его толстая, блестящая, серебру подобно блестит. Толщина его привязи — как тонкая веревка. Паук большой, по величине одинаков с раковиной, подобной руке. Самый маленький паук равен голове большой трубки для курения. Тогда надо подойти, ударить, сбить его. Но когда идут его взять, он оказывается чрезвычайно пятнистым. Трус, испугавшись, взять его не может. Только человек с крепким сердцем его берет. На дно своего ящика прячет. Потом образцы шелка, какой только он желает, в ящик кладет. Когда наступает ночь, в ящике раздается множество звуков. Когда звуки прекращаются, нивх ящик открывает. В нем оказывается множество шелка, подобного образцам. Нивх, эти шелка взяв, богатеет. Паук лишь различные шелка делает. Таким паучьим талисманом богатеют. Так люди сказывают.

11. Нивх, имеющий счастье, может увидеть жабу, имеющую серебряные рога. Тогда нивх должен снять свою обувь и положить ее впереди жабы. Он заставляет ее перескочить через обувь, она прыгает, но серебряные рожки не падают. Тогда он должен снять наколенники и положить перед ней. Она перескакивает через них, но рожки еще не падают. Тогда нивх должен снять трусы, положить перед ней. Она прыгает, но рожки не падают. Тогда нивх пояс снимает, кладет перед ней, она прыгает, но рожки не падают. Тогда он рубашку снимает, кладет перед ней, но рожки не падают. Тогда он шапку снимает, кладет перед ней, она прыгает, но рожки не падают. Тогда он берет пал-

ку, ударяет по рожкам и сбивает их. Это талисманом взяв, богатеет.

«Теперь я вам объясню,— сказал мне Шызӈыун,— почему так получается. Если рожки опадут, когда она прыгнет через обувь, то нивх, не успев начать богатеть, умрет. Если рожки опадут, когда она прыгнет через наколенники, то он едва только начнет богатеть, а уж умрет. Если рожки опадут, когда она прыгнет через трусы, и он возьмет их, то он до половины срока своей жизни доживет, разбогатеет и умрет. Если рожки опадут, когда она прыгнет через его пояс, и он их возьмет, чуть больше половины жизни проживет, разбогатеет и умрет. Если рожки опадут, когда она прыгнет через рубашку, и он их возьмет, то до пожилого возраста доживет, разбогатеет и умрет. Если же рожки опадут, когда он шапку положит, и он их возьмет, то, до старости дожив, разбогатеет и умрет. Но если он положит шапку и рожки не упадут, но он собьет их палкой и возьмет, тогда он, до глубочайшей старости дожив, разбогатеет и, не будучи уже в силах носить себя, умрет».

Флорун сказал, что если зимой вдали от реки найти на снегу живую трепещущую форель или кумжу, то рыбину надо взять и спрятать. Она принесет удачу во всем.

В этих нереальных построениях ощущается фантазия охотника, истосковавшегося по удаче. Однако какова реальная основа возникновения идеи о талисмане? Как и когда родилась вера в то, что необычный предмет может принести удачу в охоте? Ответить на этот вопрос трудно. Автор, несмотря на довольно обширный этнографический материал, не имеет еще удовлетворительной концепции, объясняющей подобное явление.

Легенда о единоборстве духа гор и леса с духом моря

Ниже мы приводим легенду о нивхе, который стал добычливым в лесной охоте и богатым вследствие того, что женой его стала горная женщина-дух, которую ему дали в знак благодарности горные люди-духи за то, что он помог одолеть сивуча — их злого духа. Однако сказитель Шызӈыун из селения Чирунвд (чир-ӈунвнт — 'новая жизнь') рассказал нам в 1957 г. легенду совершенно в ином плане, желая ознакомить нас с преданием о единоборстве горных духов с морскими духами в образе медведя и сивуча. Шызӈыун предпослал этой легенде такое предисловие, записанное нами на нивхском языке:

«Еще до того как это случилось, о чем я тебе расскажу, нивхи по берегу моря ходили, тропу битвы видели, но ничего не понимали. На тропе битвы морские водоросли разбросанными видели, но ничего не понимали, еловые ветви разорванные и разбросанные видели, но ничего не понимали. Лишь после того как случилось то, о чем я тебе расскажу, нивхи, увидев тропу бит-

вы, узнают: гора [дух горы] победила 'ли', море [дух моря] победило 'ли'. Вот эта легенда.

Давным-давно, в древние времена, один нивх в лес пошел и заблудился. С тех пор до наших дней нивхи о единоборстве между горами [духами гор и лесов] и морем [духами моря] узнали. Это случилось так.

Один нивх в лес пошел. Охотясь, заблудился. Кружил по лесу. Где селение его находится, не знал. Вот бедствовать стал. Однако, зайца увидев, убил его, съел. Едва живой опять блуждать стал. Кружился, кружился по лесу. Вот уже смерть подходит. Тогда одного оленя увидел, убил его, ел. Возле оленя находясь, мясо его ел. Вот зима настала. Еда кончилась.

Тогда он сон увидел. Одного человека увидел. Этот человек ему сказал: „О бедный нивх! Ты почему в мое селение идти не хочешь? Я на тебя гляжу, тебя жалею". Тогда наш товарищ[4] спросил: „Где твое селение находится? Я не знаю". Человек сказал: „В середине той горы мое селение. Завтра, как встанешь, поднимись в гору. До середины как дойдешь, там в горе просторное отверстие. Когда ты его увидишь, в отверстие войди. Войдя, жилища увидишь. Тридцать жилищ будет, тридцать амбаров будет. Когда пойдешь, то в самом конце одно только большое жилище будет. К нему иди. Я к тебе навстречу выйду. Ты меня, конечно, узнаешь".

Наш товарищ проснулся. Никого нет. „Почему такой сон приснился? Возможно, какое-то счастье мне во сне явилось". Так раздумывая, побрел. На эту гору стал подниматься. Прямо к середине горы шел. Снег глубокий. Измучившись, до середины горы поднялся. Там зияло большое отверстие. В него вошел.

Когда вошел, увидел: светло, трава зеленеет, селение прекраснейшее. Действительно, тридцать жилищ имеется, тридцать амбаров имеется. Действительно, в самом крайнем конце селения большое жилище имеется. К этому жилищу прямо пошел. Когда к жилищу подошел, из него человек вышел. Наш товарищ взглянул: приснившийся ему человек вышел. Вышедши, нашего товарища увидев, улыбнулся. „Ты пришел?"— сказал он. Наш товарищ ответил: „Да, я пришел. По счастью, в нивхское селение пришел". Хозяин селения сказал: „Вместе войдем!" Нашего товарища ввел, прямо к почетной наре повел, посадил, еду приготовил, нашего товарища кормил, вместе с ним ел.

В том жилище старик один, старуха одна, четыре женщины были. Хозяин жилища жену имел, на задней наре находилась. Он к нашему товарищу обращался, разговаривал, смеялся. О чем же еще им было разговаривать, кроме, как о блужданиях нашего товарища, о том, что он память потерял.

Потом хозяин сказал: „Бедняга, устал, утомился, спать, верно, хочешь. Завтра-то ведь обратно не пойдешь! Весной лишь

---

[4] Словосочетанием «наш товарищ» во всех фольклорных произведениях нивхов именуется герой повествования.

обратно вернешься! Еще дōлгō мы друг против друга находясь, разговаривать сможем! Поэтому, товарищ, усни!“ Наш товарищ уснул. Досыта спал. Встал.

Это селение ночи не ведало (не знало). Он вышел, посмотрел, удивившись, подумал: „О! Земля красивая! Снаружи ветер дует, снег падает, зима, а здесь-то что такое? В стороне нашего селения зима полная. Сюда же вошел — лето в полном разгаре“. Покрутился, поглядел, вошел. Хозяин жилища спросил: „Ну как? Ты вышел, на мое селение поглядел? Плохое ли оно, красивое ли?“ Наш товарищ спросил: „Твое селение зиму ведает (знает) ли?“ Хозяин ответил: „Нет, зимы не знает. Дождя не знает. Вот такое это селение. Я — курӈ (горный дух, бог, человек)“ [5].

Помолчав немного, он продолжал: „Я лишь этот год своих товарищей еще увижу. В будущем году разве их увижу? Пока я живу, я над своими товарищами начальник. Вот поживу, но скоро человеком не буду. Таков закон. Мы, горные люди-духи, временами злому духу дозволяем себя убить“. Наш товарищ спросил: „Что же это за злой дух?“ Тогда горный дух сказал: „Морской злой дух. Мы о вас ‘голые люди’, ‘в нижней земле живущие люди’ — так говорим. Морские люди, о вас разговаривая, ‘людьми, живущими на сухой земле’ — так называют. Морской дух (бог) — тоже человек. Но приходит такое время, и мы его злым духом считаем. У духов гор и духов моря, когда время подходит, есть закон — воевать. Если горный человек победит — морского человека убивает. Если морской человек победит — горного человека убивает. Таков закон. Раз закон таков, то что же поделаешь? Но когда бы мы ни воевали, мы, горные люди, слабыми оказываемся, никогда не побеждаем“.

Наш товарищ подумал: „Одинаковый со мной человек! Такой могучий! Почему же страшится? Я, нижней земли человек, тоже могучим себя считаю. Поэтому своему другу помогу“. Наш товарищ сказал: „Плохо! Когда пора придет, вместе с хозяином жилища пойду туда. Издали хотя бы посмотрю на [вашу] битву“.

Они друг друга полюбили. Куда бы ни пошли, вместе ходили. Так долго жили. Однажды хозяин жилища сказал: „Теперь в стороне вашей земли весна наступает. С этого дня шесть дней пройдет, я пойду, воевать буду. Это день смерти будет“ — так сказал.

Вот несколько дней пожил. „Товарищ, сегодняшний день — день моего спускания [с горы]. Давай вместе спустимся. Ты в свое селение иди, а я пойду сражаться. Обратно вряд ли вернусь“.

Наш товарищ приготовился, свое оружие взял, вместе с горным человеком пошел. Сквозь отверстие, через которое он

[5] Слово ‘курӈ’ нивхи переводят словом ‘бог’, но в легенде, рассказанной Шызӈыуном, этим словом именуется и «главный» дух гор, и «главный» дух моря. Так что это слово оказывается многозначным.

входил, вышли. Действительно, весна настала. Тогда горный человек нашему товарищу сказал: „Товарищ, я тебя на своей спине понесу". Он шкуру медведя, [снятую чулком], поднял, влез в нее. Вот пребольшущим медведем стал. Никогда нивхи не видели в лесу медведя, равного этому. Удивительно большой. Тогда наш товарищ на его спину взобрался, сел. Медведь побежал, нашего товарища понес. К берегу моря когда спустились, наш товарищ, конечно, свою землю узнал. Медведь возле его селения остановился. Наш товарищ слез с него. Вдруг медведь затрясся. Наш товарищ в море посмотрел: большущий сивуч (jajн) к берегу плыл, кричал, шумел. В лесу лишь [его] звук кулң-гулң эхом отдавался. Медведь встал, идти даже не может. Тогда наш товарищ медведя спросил: „С этим ли ты будешь сражаться?" Медведь головой только закивал: „Да, мол" (а вымолвить не в силах). Тогда наш товарищ сказал: „Да это же сивуч! Мы его едим. Что я его бояться буду? Это нами убиваемый и съедаемый зверь. У нас, у нивхов, имеется закон — есть род сивучей". Наш товарищ сказал: „Ты спокойно сиди, я вместо тебя сражаться буду".

Свое копье взяв, спустился. Когда сивуч [к берегу] поднялся, на кремнистый песок выполз, наш товарищ подошел, своим копьем его кольнув, убил. Убив, [в гору] поднялся, сказал: „Такой, что ли, ваш злой дух? Мы-то его зверем считаем, его мясо едим. Такой это зверь". Так сказав, спустился, сивуча разрезал, огонь зажег, сивуча мясо поджарил, своего медведя покормить хотел, но медведь отказался. Наш товарищ же ел, говорил: „Это хорошо, ешь! Всегда, когда вы сражаетесь, то победы не знаете. А я тебе скажу, что отныне вы тоже побеждать будете, несомненно, если убивающего вас злого духа есть будете". Тогда медведь свою шкуру с себя стащил, вместе с нашим товарищем ел. Мясо, конечно, вкусное. Много ел. Горный человек нашему товарищу сказал: „Я тебя отблагодарить хочу. Давай вместе со мной в мое селение пойдем". Наш товарищ сказал: „Зачем [ты меня благодаришь]? Я тебе благодарен. Вот я погибал и твоим счастьем жив остался. Теперь-то здесь я все знаю. Мое селение близко. А это хотя и твой злой дух, но мы его убиваем, потому я его и убил. Зачем же ты меня благодаришь?" Хотя он так говорил, но его друг настоятельно хотел нашего товарища в свое селение увести. Тогда наш товарищ согласился вместе с ним пойти. Его друг [медвежью] шкуру поднял, в нее влез — опять медведем стал. Наш товарищ на его спину сел, пошли. Вот в середину горы вошли, в селение пришли, прямо к своему жилищу пошли. Наш товарищ слез. Его друг медвежью шкуру снял. Вместе в жилище вошли. Горные люди нашего товарища благодарили.

Его друг новости рассказывал: „А я-то полагал, что сильнее меня людей нет, но этот наш товарищ нашего злого духа злым духом даже не считает. Посмеиваясь, к нему спустился, воевал. Смеясь, оборонялся и скоро его убил. Его мясо ел. Меня кор-

мить хотел, но я отказался. Тогда насильно заставил меня есть. Я ел, мясо сладкое. Я ел его больше, чем любое другое мясо, и досыта наелся. Наш товарищ сказал, что если поесть мясо своего злого духа, то горные люди и морские люди, когда сражаться будут, то один, то другой побеждать будут. Я поэтому ел".

После этого наш товарищ несколько дней у них жил. Потом хозяин жилища сказал: „Товарищ, теперь я тебя обратно отправлю". Наш товарищ обрадовался, по своему селению соскучился. После этого снаружи одну прекрасную женщину ввели, нашему товарищу ее дали. Это была сестра хозяина жилища. Тогда наш товарищ собрался, свое оружие взял, вместе со своей женой вышли. Обратно когда спускались, то его жена впереди шла, а он позади [6]. Так спускались. В свое селение пришли, жили. [С тех пор], хоть каким бы он ни был лесной зверь — и медведи, и олени, и лоси — самые разнообразные звери, и маленькие и большие, все сами приходили в его сени, а он их убивал. Вот так они богато жили».

Нам, жителям современных городов, трудно представить себе, чтобы человек не только был бы в состоянии так олицетворять животных, но и мог глубоко верить в это олицетворение, как верил в него Шызӈыун. Он ходил по помещению и с воодушевлением рассказывал мне о единоборстве духов гор и лесов и моря. Он делился со мной своей верой, своими сокровенными думами об одушевляемой им природе, будучи уверен в том, что я его пойму. В этом сказывались еще воспоминания обо мне старых нивхов, с которыми я длительно общался в 20-е годы.

В подтверждение истинности легенды о единоборстве духов гор и лесов и моря он рассказал мне еще следующее.

«Не очень давно вечером нивх один шел в селение Сакран [7]. Вдруг он увидел: одна черная нерпа разновидности пы, то ныряя, то показываясь, плыла прямо к берегу. В это же время с горы спускался прошлогодний медведь. Медведь к краю берега спустился, а нерпа к линии воды у берега подплыла. Нерпа громким голосом закричала. Прошлогодний медведь тоже громким голосом зарычал. Потом нерпа обратно в море поплыла, а медведь обратно в горы ушел. Нивх догадался: это были хиӈ — послы от духов гор и леса и духов моря. Он понял, что между горами и морем будет битва. Тогда он спрятался, ждал, смотрел. Через некоторое время с моря большой сивуч (jajh) один с громким криком к берегу плыл. С гор же медведь один также с громким криком вниз спускался. Деревья все, траву всю сплошь валил, так спускался. Сивуч, большие волны поднимая, на волнах этих [вместе с волнами] к берегу плыл. Потом нивх их битву наблюдал.

Медведь стал сдавать. Тогда нивх вышел, помог медведю

[6] Вероятно, в быту нивхов женщина должна идти позади мужчины, в связи с чем тут подчеркивается, что отношения были иные.

[7] Находилось на побережье Татарского пролива, южнее селения Пиляво.

сивуча убить. За это медведь девять раз подряд нивху поклонился. Отсюда в гору поднимаясь, в левую сторону двадцать раз оглядываясь, на нивха смотрел. В правую сторону тридцать раз оглядываясь, на нивха смотрел. Потом поднялся в гору, скрылся.

Нивхи сивуча взяли, ели. Его голову аккуратно в море опустили. Трех собак в дар морю [духам моря] принесли. Различные инау настрогали. Каждый свое инау в море бросил. После этого в течение пятидесяти лет разных зверей, с гор приходящих, убивали, богато жили. Также со стороны моря нивхи и рыбу и зверя, которые будто бы сами себя притаскивали, убивали и ели[8]. Нивхи пятьдесят лет голода не знали. Юколы сушили мало, но она как бы сама вырастала, и они ее ели. Вот так они и жили.

С тех пор до этого времени нивхи битвы между морем и горами не видели. Однако совсем недавно мы такой битве нечаянно помешали.

Нивхи на мысу Моси (Мосинский мыс) сидели, нерпу подстерегали. В это время [нерпа] ('посол с моря') поднималась к берегу и [медведь] ('посол с гор') спускался. Они еще не успели на берег выйти, как нивх Поврјоң, не видя горного посла, выстрелил в морского посла и убил его. Когда медведь с гор спустился, нивхи его увидели, к нему пошли. Но он между камнями скрылся. Куда исчез — не знаю. Когда они к местности Пајыркотан поднялись, то древнюю деревянную табуированную чашку с простреленным дном увидели. Старики сказывали, что это морской посол, которого Поврјоң убил, в такую чашку превратился. Нас много тогда было: Урьям, и Тетутин, и Лиусан, и Карγин, и я, и еще другие нивхи в это время на мысу находились. Все видели, удивлялись. Так было»,— закончил свое повествование Шызңыун.

Итак, случайного совпадения двух обстоятельств — нерпы, плывущей к берегу, и медведя, спускающегося с гор туда же,— было вполне достаточно, чтобы при анимистическом мировоззрении превратить эту случайность в источник грандиозного олицетворения жизни природы.

На Охотском побережье Сахалина мне пришлось слышать отголоски такой легенды.

Нивхинка Палгук слышала от стариков рассказ о том, что огромный сивуч как-то дополз до берлоги медведя и частью своей длинной шеи закрыл берлогу медведя. Шея у сивуча длинная и волосатая (?). Медведь укусил сивуча за волосы, но сивуч извернулся, схватил медведя за затылок и загрыз его. Когда он полз обратно к морю, нивх заметил его и убил. Духи гор были благодарны нивху и за это дозволили ему убить много медведей.

---

[8] Предел фантазии древнего охотника об удаче состоял, видимо, в том, чтобы животные сами приходили к нему, предлагая себя убить.

От нивхов я слышал, что медведи нападают иногда на нерп, выползающих на берег, и загрызают их. Подобные случаи и послужили, по-видимому, основой создания этих легенд. Примечательно в легендах то, что человек выступает в них как существо, стоящее по отваге и мудрости выше духов гор и моря.

Для нас рассказанные легенды выглядят сказками, но для нивхов они таковыми не являются. Для того чтобы понять эти легенды, необходимо самому ощутить сущность анимистического мировоззрения и превратиться на время в анимиста.